

Сегодня исполняется 90 лет со дня рождения В. В. Маяковского

Великий поэт великой эпохи

Революцией мобилизованный и призванный

Поставить открыто свой талант на службу революции в те дни, когда многие честные русские интеллигенты мучительно размышляли: «принимать или не принимать революцию», было гражданским подвигом поэта, высочайшим проявлением гуманистической сути его творчества.

В огне революционной России рождается новый Человек. Он потрясает сердце поэта бескорыстным служением революции, высоким чувством долга перед Родиной и народом, коммунистической убежденностью, нравственностью, совестью и добротой. Он становится главным героем стихов Маяковского. Идя вместе с ним рука об руку по дорогам революционной России, поэт чувствует себя причастным к великим свершениям на его родной земле. И нет для него ничего дороже святого чувства единства со своим народом, своей Отчиной: «Я счастлив, что я этой силы чашка, что общие даже слезы из глаз...».

Поэт создает живой, полнокровный, исторически точный и достоверный образ Владимира Ильича Ленина — вождя и человека. Он стремится раскрыть и показать как можно полнее и выразительнее главное в Ленине — его величайший революционный гуманизм, рождающий веру в силу народных масс, в историческую миссию рабочего класса. Так возникает в поэзии Маяковского бессмертный образ народного вождя, «самого земного из всех прошедших по земле людей» и «самого вечного человека». Это было великое новаторское художественное открытие Маяковского. Его мог совершить лишь поэт, который кроме своего неповторимого таланта лично сам в гуще народа своим живым, наступательным, духовно-материальным словом боролся за ленинское революционное переустройство России.

Лирический герой Маяковского делал Революцию, записывая в огненной буре гражданской войны власть Советов; он был верным сыном партии Ленина, ее надежным и стойким солдатом. Герой Маяковского, как и сам поэт, был великим патриотом и великим интернационалистом; он беззаветно трудился в холод и зной на первых коммунистических субботниках, воздвигал в далеких, необитаемых краях заводов-гигантов, способные в «состоянии сна» мартеновские печи «зажечь» на территории, где не было ни электричества, ни топлива; он проливал слезы, когда вдалеке, в Германии, фашизм, он совершил свое «открытие Америки», утверждая, что в будущем эта страна миллионов и небоскребов «может стать последним безоружным защитником беззащитного буржуазного дела»; он отвергал любовь, которая продавалась и покупалась, отвергал «любовь-служанку», мечтал о «любви-громаде»: он был непримирим к мещанству «без рода и сословия», к власти денег и денег, к вещизму и без-

духовности, которые убивают в человеке человеческое.

В наше время, когда проблемы совести, доброты, душевности обретают в мире все большее значение и остроту, очень важно полнее и зорче «разглядеть» Маяковского как величайшего поэта новой, социалистической лирики. Он здесь — первооткрыватель мировой поэзии XX века.

Поэт работал на революцию, Советскую власть, не зная «ни зим, ни лет», сознательно поставив свой талант в «служение» рабочему классу, большевистской партии. Такова подлинная мера гражданственности великого таланта, прекрасно осознающего, сколь многотруден и новаторски тернист путь художественного открытия мира: «Поззия — вся! — езда в незнаемое. Поззия — та же добыча радия. В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Открыть человека будущего. Это значит открыть и самого себя, открыть, почувствовать реально это будущее в своей душе. Так рождаются стихи поэта о любви, в которых он выступает как страстный певец и защитник подлинной любви, возвышающей и окрыляющей человека.

Высокое чувство революционного долга, гражданская зрелость, партийность творчества помогали Маяковскому преодолевать неизбежные минуты тревожных раздумий и сомнений на многотрудном пути поэта Революции.

Не слава, не «бронзы многогудые» волнуют Маяковского. Нет! С особой силой поэта тревожит мысль, что после его смерти могут объявиться такие толкователи его жизни и стихов, которые будут пытаться «убедить» окружающих, что Маяковский «загубил», дескать, свой талант, подливив его открыто политике большевиков, революционной борьбе российского пролетариата, что он стал чуть ли не «жертвой» социализма. Предчувствия и здесь не обманули поэта: именно такова точка зрения некоторых американских советологов.

Свой знаменитый разговор с потомками в поэме «Во весь голос» Маяковский завершает стихами, в которых окрыленно дерзко, афористически емко выражена гражданская суровость его поэзии, ее наступательный партийный пафос: «Мне наплевать на бронзы многогудые, мне наплевать на мраморную слезу. Сочтемся славою, — ведь мы свои же люди, — пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм».

«Когда мы были молоды, — писал выдающийся чилийский поэт Пабло Неруда, — раздался поразивший нас голос Маяковского. Среди одряхлевших поэтических систем... раздался голос, подобный молоту строителя... Сила, нежность и ярость Маяковского остаются поныне высочайшими образцами нашей поэтической эпохи».

Ю. ПРОКУШЕВ,
писатель.
(АПН).

Москва сегодня. Вид на Садовое кольцо со стороны площади Маяковского. На переднем плане — памятник В. Маяковскому.
(Фотохроника ТАСС).

В ТОТ ДЕНЬ — 19 июля 1893 года — вряд ли кто мог предвидеть, что родившийся на Кавказе в семье лесничего Владимира Маяковского сын Владимир через несколько десятилетий прославится своими стихами на весь мир...

Активный, быстро, не по годам взрослеющий юноша учится в гимназии. «Иду первым. Вось в пятерках. Читаю Ницше, Берна. Вообще фантастическое. Какой-то борозда стал во мне обнаруживать способность художника. Учат даром», — вспоминал впоследствии поэт в своей автобиографии «Я сам». Главное же, что все больше занимает в ту пору Маяковского, — это бурные революционные события 1905 года, охватившие всю Россию, включая Кавказ: «Пошли демонстрации и митинги. Я тоже пошел. Хорошо».

В 1906 году после смерти отца семья Маяковых переезжает в Москву. Здесь юный Маяковский встречается с людьми, которые знали, что надо делать для свободы и счастья народа. В 15-летнем возрасте он вступает в партию большевиков. Так начинается революционный путь борьбы Маяковского за социалистическую Россию: тогда же зарождается его страстная устремленность к новому, социалистическому искусству, которое он «хочет делать» сам.

Здесь, в Москве, родились выдающиеся поэмы Маяковского «Облако в штанах» и «Война и мир», проникнутые верой в Человека, освобожденного от оков рабства и ни-

щеты. Они наполнены ощущением неминуемой близости революционных перемен в России.

В 1914 году, начиная работать над «Облаком...», Маяковский писал: «Чувствую мастерство... Ставлю вопрос о теме. О революционной». Вспомним пророческие строки из этой поэмы: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год».

Уже в «Облаке...» поэт ставит глобальную проблему революционного обновления нравственной, этической, эстетической, социальной природы Человека. Он будет к ней возвращаться вновь и вновь, вплоть до последних своих стихов, до последних дней жизни.

Больше всего поэта тревожит то, что мешает человеку стать Человеком. Маяковский чувствует бездуховность старого мира, где господствует волчий закон ненависти человека к человеку, где одиночество, трагизм бытия, отверженность от общества — удел миллионов униженных и оскорбленных.

Обновление, возрождение души человека — душа народа поэт связывает с обновлением мира, революционным его переустройством.

Именно такой поэт с предельной социальной обаятельностью — поэт, с юных лет открыто связавший свою судьбу с передовыми революционными идеями века, мог сказать в октябрьские дни 1917 года — дни крушения старого и рождения нового мира в России: «Моя Революция».

Послесловие к событию

Отечество славою...

Завершились всеобщие Дни Владимира Маяковского в Грузии, а в их рамках — торжества в честь 90-летия выдающегося поэта эпохи. 19 июля в Москве, в Колонном зале Дома союзов состоялся юбилейный вечер, посвященный этой дате.

Маститые и молодые советские и зарубежные поэты пролегли в Грузии, на родине В. Маяковского, пять дней. И все это время поэт как бы незримо находился среди них, а его мощный голос звучал, призывая потомков к творческим свершениям. К свершениям того общества, которое сам поэт был «мобилизован и призван» и которое он воспел с такой силой.

На торжествах в честь В. Маяковского молодые поэты с трибуны заявляли: свое назначение мы видим в верном служении Родине, претворении в жизнь великой созидательной программы партии, осуществленной во имя счастья и процветания советского человека. «Отечество славою, которое есть, но трижды — которое будет...» — писал Владимир Маяковский.

И сегодняшний прекрасный день Советской страны славит молодые голоса великой многонациональной советской литературы. Партия, ее миролюбивая политика, советский народ, его трудовые будни и героические свершения, интернациональное единство народов на-

шей страны — вот чему отдают они свою лиру.

Молодая украинская поэтесса, лауреат премии Совета Министров Грузинской ССР имени Владимира Маяковского Наталья Белоперковец сказала:

— Мы, молодые потомки великого поэта, составляем с ним в любви к своей Родине. Маяковскому посчастливилось жить в героическое время, воспеть революцию. Но чем не героическое наше время? Разве мало у нас лет сейчас? Разве партия не призвала нас, литераторов, активно участвовать в совершенствовании общества развитого социализма?

Гражданская зрелость стиха — этот термин в духе Владимира Маяковского мы, молодые, берем сегодня эпиграфом к творчеству. И наши представления о назначении поэзии, поэта еще больше окрепли здесь, на грузинской земле, когда мы так вплотную соприкоснулись с молодым Маяковским, сложившимся здесь в яркую личность, когда воочию увидели, как чтут поэта в Грузии.

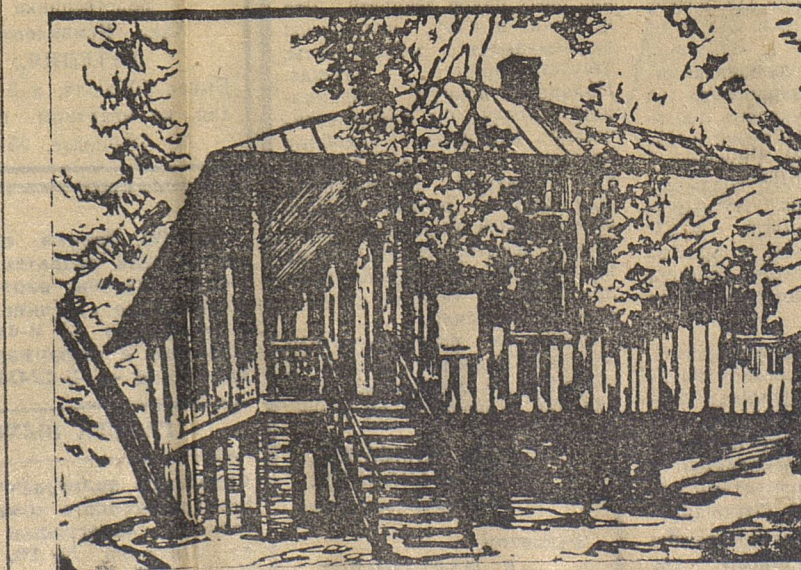
Где, в какой еще стране один из выдающихся сынов братского народа становится гордостью всех народов страны? Сюда нас созвал Маяковский. Мне очень приятно, что в Грузии столь широко почитают Тараса Шевченко, Лесю Украинку, Миколу Вавжана и многих других поэтов моей Украины.

Высокая награда, которой я здесь удостоена, не только ра-

дует, но и обязывает. И я даю слово, что отвечу на вашу любовь к Украине такой же большой, красивой, братской любовью.

Многие из тех, кто принимал участие во всеобщих Днях Владимира Маяковского в Грузии, примут участие в торжественном вечере в честь поэта в Москве. И конечно, там будет сказано о том, как Грузия бережно хранит память творца, ставшего гордостью советской литературы.

Л. ГАГУА,
корр. Грузинформ.

Дом в Багдади (Маяковский), где родился поэт.

Маяковский в Грузии

1. ЗЕМЛЯ ДЕТСТВА

ПОСЛЕ Варцхе дорога на родину поэта проходит через заповедный Аджаретский лес. Сочная зелень на дубах, кажется, сама излучает свет. Шоссе, повернув, высматривает к Ханисцали, бежит по берегу бурной горной реки. Стела в форме раскрытой книги с изображением поэта встречает гостей у въезда в славное индустриальное село Багдади. Нынче это благоустроенный город Маяковского — центр сельскохозяйственного района Западной Грузии, известного виноградарством и животноводством.

А вот и цель нашего путешествия — просторный дом из каштановых бревен, с широкой террасой, прочно стоящий на столбах, сложенных из кирпича и камня. Когда-то он принадлежал крестьянину К. Кучухидзе. Добротные стены потемнели от времени, дому — сто тридцать лет. Не меньше лет и громоздкий раскидистый грушевый сад. Дом. Столбы его покрыты зеленым бархатом моха. Невольно пытаешься представить, что плодами этого дерева лакомился маленький Володя Маяковский. По этим ступеням он забегал на террасу, отсюда детским голосом пытался переключать неуловимый день и ночь грохот Ханисцали, стремительно несущей свои воды совсем близко от дома.

Вставали рано. В теплое время чай пили на балконе в семь часов утра. Начиналась трудовая жизнь.

Шум воды проникает и за закрытую дверь, в покое комнат. Может быть, ронет горной реки и было то первое, что услышал младший в семье — будущий поэт, появившийся на свет в июльский день девятости лет назад, как о том свидетельствует запис в метрической книге.

Хозяин дома горячо и от всей души поздравил с радостным событием лесничего, который оказался двойным именинником. Мальчик родился в день рождения отца. Потому и назвали его Владимиром.

— А вашему сыну желаю, чтоб он стал провозником!

Это не было насмешкой. Дети часто болели, а врача приходилось везти из Кутаиси за 27 верст на извозчике. При условии, если согласится врач. И согласился извозчик.

Пожелание Кучухидзе — дела не сбылось. Увы! Или верней, к

счастью! Но вот наверняка не предполагал дед, что его дом станет музеем. А директором музея станет Н. Кучухидзе — его собственный внук. Да еще поведает нам девятости лет спустя об этом эпизоде.

В комнатах любовно воспроизведена обстановка тех лет, когда тут снимала квартиру семья лесничего Владимира Константиновича Маяковского. Вот его кабинет: письменный стол, деловые бумаги, на стене — олени рога, ружье, черная казакская бурка... Под стеклом — репродукция с картины любимого художника И. Шишкина.

Багдадский участок Кутаисской губернии — это и 50 тысяч гектаров лесов, протянувшихся до Абхазии. Они были в ведении лесничего, которому подчинялись восемнадцать обезьянчиков.

Высокий, чернородый, загорелый, веселый и впечатлительный лесничий, по воспоминаниям близких, обладал большой и глубокой силой чувства к детям — своим, чужим, к родным, к животным, к природе... С природой он был как бы слит, любил и понимал всем своим существом. А голос, громоздкий грудной бас целиком передавался Володе.

Вечерами, при свете керосиновой лампы, семья собиралась за общим столом в огромной комнате, служившей и уютной гостиной, и столовой. Дабы так она зовется по — грузински. Это, пожалуй, целый зал.

Лес в те времена подходил к дому вплотную.

В лесах водилось множество зверей: дикобразы, кабаны, медведи, лисы, волки... Иногда обезьянки приносили детенышей зверей. Дети любили животных, в особенности Володя. Не уставал с ними возиться.

Выучившись читать, он часто брал книги и отправлялся в сад. Ложился на траву под деревом и долго читал. А две — три собаки непременно сторожили его. Собаки, можно сказать, сопровождали Маяковского всю жизнь. Вспомним: Вега, Бостон, Угрюм, Шен, Булька... И даже кривой лохматый сторожевой пес Тюпка — в «жизнеписании» Маяковского. Об этом написано в воспоминаниях переводчицы Р. Райт: «Ни одной собачки, ни одной кошки он не пропущал. Обязательно останавливался, поспостриг, поговорит».

Но вернемся под гостеприимный кров дома — музея, в дарбаз, где собиралась семья. Над этажеркой с книгами висит фотография — групповой портрет писателей — авторов «Современника». Несмотря на удаленность Багдади от культурных центров, семья Маяковых жила передовыми, демократическими идеями русской литературы и общественной мысли.

2. В КУТАИССКОЙ ГИМНАЗИИ

РАНЬШЕ тут учились его отец, дядя... Кутаисская классическая гимназия знаменита своими питомцами — грузинскими и русскими учеными, просветителями, художниками, писателями... Нынче тут грузинская школа — десятилетка, где преподавание ведется на родном языке. А перед фасадом здания — памятник Володе Маяковскому — ученику. Школа теперь — его имени.

Классные комнаты поражают размерами, высотой потолков. Каждая по объему — два-три

современных классов типовых школ. Просторно, светло. Но больше парт — больше учеников и, следовательно, нагрузки у преподавателя. В одном из таких классов — постоянная экспозиция о жизни и творчестве поэта, его детская карта на вышитой, у задней стены.

«Пригласительный, 1-й и 2-й, иду первым. Вось в пятерках...» — писал автобиографии В. Маяковский. Но пришли грозные годы: русско-японская война, события 1905 года, центром которых в Западной Грузии стал Кутаис.

Мать поэта вспоминала, с какой энергией двенадцатилетний гимназист отдался революционным событиям, как знал все происходящее в разных районах города.

Недалеко от Гугутской улицы, где жили Маяковские, находился социал-демократический комитет. Володя отнес туда наемные ружья, которые выдали отцу для охраны лесничества. Он участвует в митингах, демонстрациях, читает марксистскую литературу. Подросток только пробует еще свой голос — будущего полемиста, оратора, глашатая... «Лассаль у меня перепутался с Демосфеном. Хожу на Рийон, говорю речи, набрав камнями в рот».

В 1906 году семья Маяковских, после смерти отца, навсегда уезжает с Кавказа.

3. ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

В СТОЛИЦЕ Грузии есть улица Маяковского. Может быть, название ее как-то связано с приездом поэта? Или он жил на ней... Захотелось поблизко к улице, познакомиться с ее обитателями. Написать о них.

Начнем с номера первого по этой улице. Но здесь высилась величественная решетка — ограда нового реконструированного стадиона «Динамо». Слева по улице, напротив стадиона, тянулся за низким параллельно зеленой парке: липы, платаны, мушмулы, над ними — верхушки кавказских сосен и могучих лиственниц... А еще выше — «чертовое колесо», мажоратрионов... Тут оказался парк культуры и отдыха имени С. Орджоникидзе. На скамейках сидели с книгами самоотлученные юноши, девушки с конспектами, они готовились к сессии, мажоратрионы с конспектами. Рабочие красили бортики фонтана. Запахи красок и скипидара смешивались с душистыми веттерками, доносящими ароматы цветущих роз и молодой листвы.

Идем дальше. За парком, вплотную примыкая к нему, пролегала территория колледжа детской железной дороги. Дети — маленькие мастера с ведрками и тряпками — мыли, протирали, смазывали маслом небольшие паровозики на рельсах. У станции «Мзгур» — фанерного павильончика с невнятной платформой — улица Маяковского кончалась.

Справа, на последнем доме, в конце улицы Маяковского, привлекала внимание вывеска у каменного крыльца: «Союз-взрывпром». По названию это было уже что-то близкое к поэту. В верхних этажах дома, судя по домашним занавескам и цветам на подоконниках, — жильцы квартиры.

Из подъезда дома вышел аккуратно одетый, худощавый человек без возраста. Вероятно,

выправка, собранность, энергичная походка обличали в нем бывшего военного. Мы разговорились. Подполковник в отставке, инженер Иван Михайлович Давидов с готовностью ответил на мои вопросы.

— Представьте, я слышал выступление Маяковского в рабочем клубе. Это недалеко отсюда, теперь там филармония. Пойдемте, я как раз иду в том направлении... Это было в конце... одна тысяча девятьсот двадцать... Маяковский встречался восторженно. Он читал «Хорошо». Читая, почти кричал. Жаловался, что сорвал голос. Хотя и заявлял при этом, что глотает у него «луженая». Помню также, что Маяковский вначале под общий смех выкрикивал надежду, что расстанемся мы мирно. А расставались в конце довольно и благодарные. Но, по моему, больше всех доволен был сам Маяковский, и притом, и аплодисментами, и тем, что так горячо воспринимала его рабочая аудитория.

Вечером 9 декабря в театре им. Ру斯塔вели прошло первое выступление Маяковского — чтение поэмы «Хорошо». На следующий день «Рабочая газета» писала:

«...Маяковского постигла большая удача. После «Двенадцати» Блока это самая сильная вещь из всех написанных за десять лет...».

11 декабря — снова выступление в театре им. Руствали уже с докладом «Дайшь изрядную жизнь».

Но тяжест длительной лекционной поездки сказались на самочувствии поэта, и он пишет в редакцию газеты письмо, датированное 10 — 11 декабря: «Крайнее утомление и болезнь горла, непрерывные выступления с 26 октября иногда по 3 раза в день в больших нетопленных помещениях вынуждают меня уехать из Тифлиса, превращая свои доклады и чтения...».

И тем не менее, поэт выступил еще во Дворце искусств, в Закавказском коммунистическом университете, в студенческом клубе Грузинского университета и в Центральном рабочем клубе.

Об этом последнем выступлении рассказывал в своих воспоминаниях соученик поэта по кутаисской гимназии Н. Гачавадзе, работавший в те годы в Совпрофе Грузии. Успех лекций и докладов Маяковского в Закавказье был «очень» заметен. Довольно, говорил, что отменил несколько предстоящих выступлений, спешил с отъездом, показывая уже купленные железнодорожные билеты, но выступить перед рабочими согласился.

«Меня Володя вспоминал не сразу, — пишет Гачавадзе, — но нашей встречи остался доволен. Он был чем-то очень озабочен, говорил, что отменил несколько предстоящих выступлений, спешил с отъездом, показывая уже купленные железнодорожные билеты, но выступить перед рабочими согласился».

Разговор между одноклассниками велся наполовину по-грузински. А когда Маяковский узнал, что билеты будут рассылаться по предприятиям и распространяться среди рабочих, он сразу же и решительно отказался от всякого торжора.

«...Рабочая аудитория устроила поэту шумную овацию. Это было последнее выступление Маяковского перед земляками».

С. РУНГЕ,
спец. корр.
«Советской
Аджарья».